

АКТЕРЫ
И РОЛИ

ЦАРЬ ФЕДОР — ПАВЕЛ ЕФИМОВ

Брянский рабочий
г. Брянск

10 АЕН 1967

Вечером в минувший понедельник зрительный зал Брянского театра заполнилась, что называется, премьерная публика — завзятые театралы, люди, которые первыми приходят на новые спектакли. Между тем никакой премьеры не было — давалось очередное представление «Царя Федора Иоанновича», до того прошедшего на этой сцене уже добрый десяток раз. Что же привлекло сюда этих людей? Дебют нового актера.

Впрочем, это не совсем точно сказано. Павел Ефимов уже показывался на брянской сцене. Помните его короля Ричарда-III в спектакле гастролеровавшего у нас позапрошлым летом Новгородского театра? Да и в нашем театре он довольно относительный новичок — Ефимов был принят в его труппу еще в 1966 году.

Но так сложилась судьба актера в Брянске. Театр решил дать ему возможность заявить о себе на новом месте работы чем-то по-настоящему весомым, под стать той шекспировской роли. Пришлось подождать, пока настал черед постановки «Царя Федора» — ее заглавная роль предназначалась как раз ему, заслуженному артисту республики Ефимову. Но вот трагедия А. К. Толстого уже репетируется, вот уже близка премьера, и вдруг несчастье — актер тяжело и надолго заболел...

Спектакль вышел без него, без него игрался на летних гастролях в Днепрпетровске и Клинцах, и здесь уже, в Брянске, зрители до сих пор видели в этой роли другого актера. А в последнем спектакле, четвертого декабря, увидели, наконец, его, Павла Ефимова.

Никто широко не оповещал об этом, нигде не было особых афиш. Но, видно, театралы — народ дотошный, узнали-таки и пришли. И были, скажем наперед, вознаграждены: пришли они на дебют актера скорее всего из любопытства, а ушли взволнованные и обогащенные встречей с трепетным творчеством.

О брянской постановке «Царя Федора Иоанновича» уже писалось, и повторяться здесь нет никакой нужды. Не идет также речь о каком-либо противопоставлении работ одного исполнителя центральной роли — заслуженного артиста Германа Постникова и другого —

Ефимова. Актеры эти разные, с разными творческими индивидуальностями, и, естественно, созданные ими образы во многом различны. И это хорошо, так и должно быть. Это интересно. Хотя, конечно, одному зрителю может больше понравиться, оказаться ближе один царь Федор, другому — другой. Автору этих строк пришлось больше по душе как раз другой, ефимовский. Но это еще мало что значит, тут, очевидно, дело вкуса. Безотносительно же к вкусам и пристрастиям хочется просто порадоваться появлению на нашей сцене еще одного хорошего актера, глубокого и тонкого художника. Его первая работа дает об этом право говорить.

Одно тому свидетельство — влияние, которое он оказывает на других исполнителей, партнеров по спектаклю. Такое влияние неизбежно, если мы имеем дело со своеобразной творческой личностью, с ее естественной и убеждающей жизнью на сцене, тем более в главной роли. Вот и здесь — смотрите, как новый царь Федор потянул за собой цепочку. Скажем, Борис Годунов в исполнении Леонида Кулагина. Читатель, возможно, помнит: в рецензии на этот спектакль в образе Годунова усматривались прямолинейность и откровенная циничность. Теперь о работе Кулагина этого никак не скажешь. Годунов стал естественнее, умнее, человечнее. Перед нами действительно прогрессивный (во всяком случае, по сравнению с Шуйским) государственный деятель, глубоко озабоченный не столько собственной корыстью и властолюбием, сколько судьбами, будущим России. Его жестокость вынужденная, от логики борьбы с приверженцами старины и междоусобицей, и эта жестокость нелегко ему дается. Надо ли говорить, как от всего этого выигрывает все звучание спектакля... Разумеется, глупо было бы предположить, что «чудо» тут свершило одно лишь появление рядом Ефимова. Актер, по всему, сам прошел непростой путь углубления, наполнения плотью и теплом образа. И все-таки очевидно и то, что многим заразил его новый партнер.

Ибо партнер этот, Павел Ефимов, действительно живет на сцене. Живет жизнью царя Федора — та-

кого, каким он его видит и ощущает. А видит и ощущает он его всего приближенной к тому, каким его представлял А. К. Толстой: болезненным, слабым, слабым не только телом, но и душой, наивным, доверчивым, непосредственным порой, как дитя. Словом, плохим царем, никудашным государем, особенно в то смутное, тревожное для России время, когда нужны были твердые решения и сильная рука.

Но сказать это о Федоре-Ефимове значит еще ничего не сказать. Этот Федор сам отлично понимает, что он плохой царь. И страдает от этого. Потому что он вовсе не блаженнейший, как поначалу может показаться. Он простодушен, но достаточно умен, его горе в том, что он наделен слишком ранней душой, «слишком» добр для этого жестокого мира. Он хотел бы всем

добра, всех примирить, примирить непримиримое. Отсюда его человеческая трагедия, его разочарование и боль.

Эта боль к концу спектакля прямо-таки пропитывает воздух сцены и зрительного зала. Она настолько искренняя, настолько человечна (что там минувшие века, что там какой-то царь — такое может быть с любым и во все времена!), что передается нам, и трогает, и тревожит, и долго еще остается с нами. Как остаются перед нами эти глаза царя Федора — Павла Ефимова, полные человечности, мысли и муки, весь его облик, страдающий, жалкий и благородный одновременно.

Нет, всего не перескажешь. Да это и невозможно. Пойдите, посмотрите Павла Ефимова в «Царе Федоре Иоанновиче» — не пожалейте об этом.